

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.4+347.918

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.81-96

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

С.А. Курочкин

*Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, 620066, Россия*

Аннотация

Проблематика арбитража (третейского разбирательства) занимает все более значимое место среди обращений, рассматриваемых Конституционным Судом Российской Федерации. Развитие социальной практики, эволюция подходов судов к феномену третейского разбирательства вынуждают высший российский орган конституционного контроля вновь и вновь возвращаться к оценке соответствия Основному Закону страны правовых конструкций, применяемых при рассмотрении третейскими судами и международными коммерческими арбитражами гражданских дел. Выработываемые в результате правоположения формируют конституционно-судебные основы арбитража в России. Отмеченные закономерности позволили применить к проблемам третейского разбирательства интегративную концепцию конституционализма, результатом исследования стали выводы о конституционализации самого арбитража и социальной практики его применения. В статье предложен авторский взгляд на проблемы укрепления конституционно-правовых начал в арбитраже, а также прогноз развития конституционализма в области российского третейского разбирательства.

Ключевые слова: арбитраж, третейское разбирательство, конституционализация, конституционные ценности, конституционализм, Конституционный Суд России

В последние годы Конституционный Суд Российской Федерации все чаще обращает внимание на проблемы арбитража (третейского разбирательства). В ответ на обращения граждан, организаций и судов высший российский орган конституционного контроля оценивает нормы законодательства, регулирующего отношения, возникающие в связи с разрешением споров третейскими судами и международными коммерческими арбитражами, на предмет их соответствия Основному Закону страны, его духу и букве. Внимание, которое Конституционный Суд РФ уделяет проблемам третейского разбирательства, акценты, которые он расставляет, позволяют задуматься о конституционном измерении такого непростого социального феномена, как арбитраж (третейское разбирательство).

Осмысление закономерностей развития арбитража, его места и роли в отечественной, а в перспективе – и в мировой социальной системе возможно с приме-

нением концепции конституционализма, отличной от устоявшихся в изучаемой области формально-догматических подходов. Новое интегративное понимание конституционализма позволяет иначе взглянуть на процессы и явления, вполне реальные и осязаемые, с которыми можно встретиться в сфере третейского разбирательства. «Конституционализм – понятие многоаспектное. Оно, как представляется, охватывает все, что связано с воплощением в жизнь конституции, понимаемой в самых разных значениях» [1, с. 41]. Как особая сложносоставная аксиологическая, телеологическая и праксиологическая система конституционализм является, с одной стороны, универсальной нематериальной (духовной) ценностью цивилизации, входя в этом качестве в состав мирового культурного наследия всего человечества, с другой – национально-культурным достоянием каждого отдельного народа, нации, государства [2, с. 28].

Найдется ли в подобной аксиологической, телеологической и праксиологической системе место для арбитража (третейского разбирательства)? Конституционализм как политико-правовой режим обеспечения верховенства права может сыграть важную роль в понимании такого сложного, сплетенного из публичных и частных элементов явления, как арбитраж, в его развитии на основе конституционных ценностей, интеграции достижений общемировой правовой культуры в отечественный правопорядок. Можно с уверенностью утверждать, что российский арбитраж как социальный институт и как часть мирового правового наследия является универсальной нематериальной ценностью современной цивилизации, выступая при этом достоянием российской правовой культуры, проникнут духом российского общества, основан на отечественных традициях правового регулирования. Неслучайно Конституционный Суд РФ вновь и вновь подчеркивает, что Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45, ч. 2). Разбирательство в третейском суде относится к числу общепризнанных в демократическом обществе способов разрешения гражданско-правовых споров, проистекающих из свободы договора, которой наряду с автономией воли участников предпринимательской и иной экономической деятельности обусловлены диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений (Пост. от 16.04.24, п. 2; Пост. от 18.11.14, п. 3). Признание есть результат доверия, принятия обществом полезности и ценности института, согласие с социальной практикой его действия.

Сторонники позитивистского правопонимания неизбежно зададутся вопросом, упоминается ли арбитраж (третейское разбирательство) в тексте Основного Закона. Очевидно, что Конституция Российской Федерации понятия арбитража сегодня не содержит, хотя в мировой практике подобные примеры есть. Так, Конституция Исламской Республики Иран (ст. 139) определяет условия одобрения передачи в арбитраж споров, касающихся государственной собственности. Означает ли отсутствие в тексте Конституции понятия «арбитраж» однозначный отказ от исследований его конституционных основ в России? Ответ на этот вопрос должен, на наш взгляд, прозвучать отрицательно. «Конституционализм предметно выходит за рамки конституции, как бы широко она ни понималась. Он рождается непосредственно в жизни первоначально на уровне политико-правового сознания и политико-правовых ценностей, выливающихся впоследствии в конституционные нормы,

материализуется в институции и правовые отношения, образуя широкую конституционную практику» [1, с. 42]. Конституционализм, указывает Н.С. Бондарь, есть объективно складывающийся порядок реальных общественных отношений, которые попадают в сферу конституционно-правового регулирования [2, с. 29]. Не арбитраж как понятие появляется в конституционном тексте, а конституционализм проникает в практику третейского разбирательства, материализуется в социальном институте арбитража, в правоотношениях по разрешению дел, расширяет сферу прямого конституционно-правового регулирования. Стоит также упомянуть и справедливый вывод А.Н. Кокотова о том, что, «в общем-то, все нормативное пространство государства предстает как конкретизация конституционных норм, материализующая, тем не менее, лишь часть их содержания» [3, с. 22]. В указанном смысле современное российское законодательство об арбитраже – это также форма конкретизации конституционно-правовых норм.

Как государственно-правовой институт, конституционализм, по оценке В.В. Лазарева, представляет собой противоречивое единство нормативных и институциональных актов следования легитимному образу конституции [1, с. 51]. Последовательно выработанное за последние 30 лет единство нормативных и институциональных актов в сфере арбитража, следующих образу Конституции Российской Федерации, ее духу и букве, сформировало, на наш взгляд, основу для включения третейского разбирательства в конституционное поле. В 2011 г. Конституционный Суд РФ указал: «...возможность разрешения гражданско-правовых споров посредством третейского разбирательства основана на положениях Конституции Российской Федерации (курсив наш. – С. К.), закреплена в гражданском законодательстве и соответствующих процессуальных нормах (предметом регулирования которых обусловлено и использование применительно к третейскому разбирательству как альтернативной форме защиты гражданских прав термина “суд”»)» (Пост. от 26.05.11, п. 3).

Подобное указание высшего органа конституционного контроля имело весьма серьезные последствия для развития третейского разбирательства и обретения им своего статуса в российской социальной системе. Стало очевидным, что законодатель уже не может произвольно отказаться от самого феномена третейского разбирательства, отменив законодательные акты, определяющие его правовое положение. Вновь повторив приведенные выводы в решениях 2023 и 2024 гг., Конституционный Суд РФ поставил точку в общественной дискуссии о целесообразности арбитража, его правовых основах и перспективах. Граждане России, юридические лица вправе требовать от государства создания условий для эффективной работы этого социального механизма, коль скоро он основан на положениях Основного Закона страны. Вторым следствием стало постепенное развитие третейского разбирательства уже не путем слепого копирования зарубежных институтов, а на основе стандартов и ценностей, заложенных в Конституции России. Не произвол частных лиц, не безграничная воля участников гражданских правоотношений определяют основу конструкции негосударственного юрисдикционного механизма, но только Основной Закон в интересах обеспечения прав и свобод человека и гражданина образует правовую платформу для арбитража (третейского разбирательства). Как представляется, особое звучание приведенное положение приобрело в современных условиях. Подчеркнем, что

исторически арбитраж во многих странах развивался через восприятие международного опыта, подходов международных соглашений и конвенций, нередко модельного законодательства (например, Типового закона ЮНСИТРАЛ «О международном торговом арбитраже» 1985 г.). Сегодня такую платформу способен сформировать конституционализм в его интегративном понимании.

Старт конституционализации арбитража, новый вектор его развития задал Конституционный Суд России. В.Д. Зорькин подчеркивает: «Конституция, закрепляя ценностный приоритет прав человека для государства, тем самым устанавливает объективный критерий для оценки правового характера государства и правового (или неправового) характера закона, его отличия от произвольного установления государства» [4, с. 130]. Именно Конституция России, таким образом, определяет существование и дальнейшее развитие арбитража на основе ценностей прав человека и гражданина, задает ориентиры для оценки правового либо неправового характера законодательных установлений, регламентирующих возможность разрешения споров посредством арбитража (третейского разбирательства). Все вышеперечисленное, однако, не исключает творческого характера правового воздействия на отношения, возникающие в сфере арбитража. Законодатель, на наш взгляд, должен в целях развития правоположений Конституции России сформировать эффективный, конкурентноспособный правовой институт, отвечающий чаяниям российского общества.

Общая конституционализация арбитража, его конституционная основа не ограничивают усмотрение законодателя, как справедливо указано, «не затрагивают его право в рамках предоставленной дискреции в регулировании данного вопроса (пункты “в”, “о” статьи 71 Конституции Российской Федерации) определять – исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов – перечень видов споров, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, в зависимости от их социальной значимости, конкретных условий развития гражданского оборота и социально-экономической системы в целом, укоренения правовых начал рыночного хозяйства, правовой культуры и других факторов и вносить в этот перечень изменения» (Пост. от 26.05.11, п. 3.1). И, надо признать, российский законодатель указанным правом воспользовался. О.Ю. Скворцов отмечает, что «современное законодательство, устанавливающее ограничения компетенции третейских судов, сопровождалось и привнесением правовой определенности в круг возможностей, которыми обладает частный арбитраж. Более конкретно это выразилось в том, что был существенно сужен перечень арбитрабельных споров» [5, с. 63]. Возможно, это стало не столько проявлением государственного патернализма, сколько результатом оптимизации системы гражданской юрисдикции с учетом складывающейся социальной практики в интересах реализации конституционных ценностей.

Именно конституционализм, на наш взгляд, напрямую определяет эффективность арбитража (третейского разбирательства). В.В. Лазарев указывает: «...конституция – это не о том, как расцветить фасад государственного здания, конституция – это о том, какую эффективную власть учредить и какие властные полномочия дать ее органам для наиболее полного осуществления интересов государствообразующего(-их) народа(-ов)» [1, с. 50]. Выражая социальный компромисс, Конституция России задает стандарт эффективности власти (причем,

очевидно, не только власти государственной). Конституционные правоположения формируют основы эффективной власти, образуют каркас властных полномочий органов, применяющих право, на актуальном этапе развития государства и общества. В этом смысле конституционализация создает условия реальной эффективности арбитража (третейского разбирательства), обеспечивает развитие этого института в интересах не столько отдельных участников гражданских правоотношений, сколько всего российского народа. Не менее важен и противоположный аспект. Эффективность арбитража определяет действенность конституционных правоположений, образующих основу отношений, ставших предметом третейского разбирательства. Как отмечено, конституционализация направлена на обеспечение действенности конституционного установления (нормы), достигаемой при условии, что созданные в контексте его конкретизации (в соответствии с ним) нормы отраслевого уровня в общем и целом применяются и соблюдаются [6, с. 31]. Эффективная реализация законодательства об арбитраже как формы конкретизации конституционных установлений обеспечивает их действенность.

В качестве общего вывода В.В. Лазарев подчеркивает, что «конституционализм как идея, а затем как практика развивался из потребности процессуального опосредования организации и деятельности существующей власти. Связать (ограничить) власть – одна из целей, но не единственная и, как оказалось, не самая главная. Надо дать возможности для свободного и творческого осуществления власти. Любой, не только государственной» [1, с. 48]. Очевидно, что эффективная реализация власти в арбитраже (третейском разбирательстве) также требует особого процессуального опосредования, особой регламентации организации и деятельности на основе конституционных принципов. Именно принципы наряду с волей сторон арбитражного соглашения «связывают» власть третейских судей, ограничивают возможный произвол и обеспечивают действие конституционного принципа законности. Конституционализм в третейском разбирательстве – это основа его признания государством и обществом на современном этапе.

Неизменно возвращаясь к вопросу о статусе третейского суда и его компетенции по разрешению споров, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что «третейские суды, будучи альтернативной формой защиты права и действуя в качестве институтов гражданского общества, наделены публично значимыми функциями, но не осуществляют судебную власть» (Пост. от 03.10.23). И если поначалу подобные утверждения разделяли арбитраж и правосудие, то сегодня они же, воспроизведенные в решениях 2023–2024 гг., приобрели новое звучание. Высший российский орган конституционного контроля встает на защиту арбитража, стремится продемонстрировать его социальный потенциал, позитивную роль как института гражданского общества, как механизма, способного обеспечить эффективность реализации правовых предписаний не только государственным принуждением, но и за счет поддержки их иными социальными регуляторами. В.Д. Зорькин напоминает, что и в правотворчестве, и в правоприменении мы должны серьезно, ответственно и бережно использовать те сохранившиеся в российской социальной ткани неписанные нормы здоровой массовой социальной регулятивности, которые хоть как-то восполняют все еще недостаточную эффективность законодательного правового регулирования [4, с. 23]. Арбитраж, на наш взгляд, способен стать механизмом претворения в жизнь норм социальной регулятивности.

Масштабная общественная дискуссия, состоявшаяся в ходе реформы арбитража 2016 г., – хорошая тому иллюстрация. Неудивительно, что Конституционный Суд РФ последовательно отстаивает ценность третейского разбирательства, акцентирует внимание на его конституционных основаниях. Анализируя знаковые постановления Конституционного Суда РФ, О.Ю. Скворцов подчеркивает их «умеренно проарбитражный характер, утверждающий идею необходимости стратегической защиты института третейского разбирательства и его поддержки. Конституционный Суд РФ обращается к арбитражу в те моменты, когда в практике государственных судов появляется разрушительное для третейских судов начало» [7, с. 58]. По нашей оценке, сохранение института арбитража, создание условий его развития сегодня обеспечиваются его укоренением в конституционном поле.

Известно, что в доктрине конституционализация рассматривается как составляющая процесса конституционно-правовой (юридической) институционализации и подразумевает такие аспекты, как: 1) перманентный процесс конкретизации начал, освоения ценностей и норм Конституции России в действующем законодательстве; 2) включение в Конституцию основных принципов и статусов тех или иных субъектов конституционно-правовых отношений [6, с. 26]. Наблюдаются ли подобные проявления в арбитраже (третейском разбирательстве)? Очевидно, что последние три десятилетия демонстрируют интеграцию ценностей и норм Конституции РФ, конкретизацию закрепляемых ею основных начал в действующем законодательстве об арбитраже. Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ отказывает третейским судам в праве на обращение с запросом о проверке конституционности в соответствии с требованиями Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (см., например, (Опр. от 13.04.00)), последний тем не менее настойчиво подчеркивает статус третейских судов как институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями. В понимаемую в широком смысле конституцию, таким образом, практикой Конституционного Суда РФ включаются основные статусы особых субъектов (третейских судов), а в конституционно-правовое поле – соответствующие институты и отношения. Как же иначе расценивать выводы Конституционного Суда РФ о том, что «в Российской Федерации право сторон гражданско-правового спора на его передачу в третейский суд основано на статье 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 8 (часть 1)» (Пост. от 26.05.11, п. 2)? Конституционализация как важнейшая составляющая процесса конституционно-правовой и, на наш взгляд, социальной институционализации находит свое проявление в сфере арбитража (третейского разбирательства). Стоит также отметить, что конституционность законодательства об арбитраже (а также связанного с ним процессуального законодательства) в России достаточно часто становится предметом оценки со стороны высшего органа конституционного контроля.

Конституционализация подразумевает концептуально выверенные разработки и встраивание законодательства в непротиворечивую правовую систему, основанную на верховенстве Конституции РФ [6, с. 23]. В этом смысле конституционализация арбитража как явления транснационального, вбирающего доказавшие свою действенность конструкции различных правовых систем, будет способствовать встраиванию его нормативных основ в непротиворечи-

вую российскую правовую систему, основанную на верховенстве российского Основного Закона. Кроме того, на наш взгляд, конституционализация арбитража неизбежно влечет за собой расширение нормативного массива, увеличение объема законодательства о третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. Проведенное исследование подтверждает кратное увеличение объема такого законодательства в России за последние десятилетия. Реагируя на правовоположения и акценты, расставляемые Конституционным Судом РФ, законодатель, по нашему мнению, будет и дальше закреплять новые нормы, расширять исходную правовую рамку.

Как действует сегодня механизм конституционализации применительно к арбитражу? Прежде всего, конституционно-правовая материя проникает в специальное законодательство. Н.С. Бондарем отмечено, что акты конституционного правосудия обеспечивают «сцепку» собственно конституционно-правовых норм и норм отраслевого законодательства, создают нормативное единство, основанное на выявленной в процессе рассмотрения дела объективной взаимосвязи, переплетении конституционных и отраслевых правоотношений. Основу подобного единства составляет выявляемый Конституционным Судом РФ баланс конституционных ценностей, что способствует, в свою очередь, конституционализации не только отраслевого законодательства, но и соответствующей сферы социальной действительности [8, с. 79]. Анализ постановлений и определений Конституционного Суда РФ, вынесенных по вопросам, связанным с арбитражем, демонстрирует примеры связи конституционно-правовых норм (как правило, правовоположений гл. 2 Конституции России) и норм специального законодательства о третейском разбирательстве, а также связанного с ним процессуального и гражданского законодательства. Распространение эффекта действия конституционных правовоположений на отношения, возникающие в связи с разрешением споров в третейских судах, позволяет ставить вопрос о конституционализации как отраслевого законодательства, так и соответствующей сферы социальной действительности. Конституционализм становится, таким образом, не только ориентиром в законотворчестве и правоприменении, но также и стандартом деятельности, реализуемой арбитрами и участниками третейского разбирательства. Важную роль в конституционализации играют правовые позиции Конституционного Суда РФ – «системы выводов и аргументов, выявленных в ходе рассмотрения конкретных дел по сугубо определенным проблемам и имеющих общий характер, т. е. приемлемых и необходимых для решения подобных проблем при рассмотрении других дел» [9, с. 15]. Анализ показывает, что выводы и мотивы, сформулированные в ходе разбирательства конкретных дел в сфере арбитража, определяют не только дальнейшие решения Конституционного Суда РФ, но также составляют основу правоприменительной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Второе важнейшее проявление действия механизма конституционализации связано с тем, что «Конституционным Судом РФ обеспечивается актуальная идентификация целей конституционно-правового регулирования» [10, с. 42]. Это обстоятельство имеет важное практическое значение, в том числе для правильного понимания правовых предписаний и их эффективного применения. Как известно, «цели закона выходят за пределы непосредственного содержания

нормы права» [11, с. 26]. По этим причинам высший орган конституционного контроля направляет законодателя и особенно правоприменителей тогда, когда под влиянием тех или иных факторов вектор правового воздействия отклоняется от заданного Конституцией России. Особую значимость подобная актуализация приобретает в процессе и после реформирования отраслевого законодательства. Так, например, в сфере арбитража остается в актуальной повестке проблема рассмотрения третейскими судами споров о правах на недвижимое имущество. Многочисленные научные исследования, разъяснения высших судебных инстанций и даже законодательные предписания, как показывает практика, не могут поставить точку в обозначенном вопросе. Конституционный Суд РФ в одном из последних постановлений вынужден был вновь актуализировать цели правового регулирования, указав, что ни процессуальные кодексы, ни иные федеральные законы непосредственно не исключают рассмотрения третейскими судами споров о правах на недвижимое имущество, равно как и не вводят для арбитража по таким спорам специальных требований. Отсутствует запрет на третейское разбирательство в отношении каких-либо категорий споров, в том числе споров о правах на недвижимое имущество (Пост. от 03.10.23, п. 3, 4). «Требование о государственной регистрации прав на недвижимость не влияет на природу спора об этих правах, а отношения по поводу регистрации нельзя считать элементом спорного правоотношения, суть которого остается гражданско-правовой» (Пост. от 16.04.24, п. 2). Действие конституционного механизма актуализации целей правового регулирования очевидно. Таким образом, идентификация целей правового воздействия на основе конституционных принципов и принципов – это важная составляющая конституционализации арбитража.

Принято считать, что предметом конституционализации являются значения (смыслы) актуально определенного – в модели конституционного правопорядка – «должного», нормативно значимым образом выраженные во внутренних (имманентных) и внешних (вторичных) формах позитивного права [10, с. 105]. Актуально определить «должное», выявить его смыслы (значения) – с этой ролью в аспекте конституционализации с успехом справляется Конституционный Суд РФ. В сфере арбитража высший орган конституционного контроля неоднократно предпринимал попытки обозначить ориентир, к которому должны стремиться законодатель и правоприменители; определить «должное» состояние отношений, возникающих в связи с разрешением гражданских дел третейскими судами (международными коммерческими арбитражами); указать смысл деятельности негосударственных юрисдикционных органов и их значение для социальной системы. Так, например, в одном из постановлений указано: «по смыслу статей 10, 11 (часть 1), 118 (часть 1) и 124–128 Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ “О судебной системе Российской Федерации”, третейские суды не осуществляют государственную (судебную) власть и не входят в судебную систему Российской Федерации, состоящую из государственных судов. Это, однако, не означает, что Конституция России исключает тем самым возможность разрешения гражданско-правовых споров между частными лицами в процедуре третейского разбирательства посредством третейских судов, действующих в качестве институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями»

(Пост. от 26.05.11, п. 2). Именно указанные смыслы должны быть раскрыты законодателем во внешних формах права позитивного. Обновление законодательства в ходе арбитражной реформы 2016 г. преследовало (выразим надежду), в частности, такие цели. Таким образом, в России значения (смыслы) актуально определенного в модели конституционного правопорядка «должного» в сфере арбитража (третейского разбирательства) стали предметом конституционализации.

По наблюдению специалистов, общим следствием конституционализации выступает генерация, появление (приращение, признание) конституционной по своему качеству, то есть однородной, правовой материи [10, с. 43]. Практика законодательства в сфере арбитража в последние десятилетия являет собой примеры подобной «генерации однородной правовой материи». Так, действующие сегодня законы, определяющие правовой статус третейских судов и международных коммерческих арбитражей, отличаются значительной унификацией подходов к регулированию отношений, возникающих в связи с разрешением арбитрами дел по внутригосударственным и международным спорам из гражданских правоотношений. Однородная, основанная на положениях Конституции Российской Федерации правовая материя последовательно распределена законодателем в процессуальных кодексах (гл. 46, 47, 47.1 ГПК РФ, гл. 30, 31 АПК РФ), в Федеральном законе от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и Законе РФ от 07 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (в ред. от 30 декабря 2021 г.). Появление подобной непротиворечивой правовой материи (которая, кстати, нередко является предметом анализа со стороны Конституционного Суда РФ) можно считать следствием общей конституционализации арбитража (третейского разбирательства), действия начал верховенства права.

Важнейшее значение в формировании конституционных основ арбитража имеет, на наш взгляд, знаковое Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П (Пост. от 26.05.11), принятое еще по запросу Высшего Арбитражного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 11 ГК РФ, п. 2 ст. 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», ст. 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», п. 1 ст. 33 и ст. 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Отмечая его системообразующий характер, В.Д. Зорькин указал, что в указанном постановлении Конституционный Суд РФ «осуществил системный анализ *конституционно-правовых основ организации и деятельности третейских судов* (курсив наш. – С. К.), их места и роли в защите прав личности, соотношения частного и публичного в их деятельности» [12, с. 423]. Правоположения упомянутого постановления определили не только содержание дальнейших решений Конституционного Суда РФ, но также и направления развития арбитражного законодательства. Не менее важную роль, как представляется, способно сыграть и недавнее Постановление № 46-П, принятое 3 октября 2023 г. по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 131 ГК РФ и п. 5 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой (Пост. от 03.10.23), а также Постановление от 16 апреля 2024 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 ГПК РФ в связи

с жалобой гражданина И.Ю. Колосова» (Пост. от 16.04.24). Анализ показал, что значимый вклад в конституционализацию третейского разбирательства внесли также и другие решения. Все они образуют нормативный массив, проникнутый конституционными ценностями. Как особый вид актов нормоустановительного характера, решения Конституционного Суда РФ, как известно, – это «не закон, но по юридической силе выше, чем закон» [2, с. 127].

Конституционализация во многом есть актуальная сущностно-содержательная конкретизация прав и свобод человека и гражданина, конституционных обязанностей [10, с. 17]. Именно такой подход демонстрирует Конституционный Суд РФ, утверждая, что в Российской Федерации право сторон гражданско-правового спора на его передачу в третейский суд основано на ст. 45 (ч. 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее ст. 8 (ч. 1), согласно которой гарантируются свобода экономической деятельности и поддержка конкуренции, и ст. 34 (ч. 1), закрепляющей право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (Пост. от 26.05.11, п. 2). На наш взгляд, содержательная конкретизация прав, закрепленных в ст. 45 Конституции России во взаимосвязи с ее ст. 8 (ч. 1) и ст. 34 (ч. 1), реализованная Конституционным Судом РФ как «генератором судебного конституционализма», является искомым проявлением конституционализации арбитража (третейского разбирательства).

По мере своего развития, интеграции в социальную практику арбитраж неизбежно сталкивается с проблемами искажения правовых институтов и конструкций (нередко – злонамеренного), созданных для защиты, проблемами злоупотреблений правом со стороны лиц, вовлеченных в сферу третейского разбирательства. Оказалось, что созданные в расчете на высокую правовую культуру, проникнутую началами юснатурализма, экономического и социологического подходов к праву, скупые законодательные предписания оказались неэффективными в системе, построенной на принципах позитивизма. Уже много лет мы наблюдаем повторяющиеся, во многом безуспешные попытки синхронизировать, например, категории законности и нарушения публичного порядка в деятельности третейских судов. Возможный выход подсказывает, как представляется, именно конституционализм в его интегративном понимании. Мы согласны с В.И. Круссом в том, что только на основе конституционного правопонимания может быть обеспечено институционально-юридическое противодействие злоупотреблениям правами и свободами человека [10, с. 21]. Именно конституционное правопонимание способно стать основой институционального противодействия злоупотреблениям в сфере арбитража. Это, кстати, демонстрирует и Конституционный Суд РФ, однако, признаем, не всегда последовательно.

Характеризуя объект конституционного регулирования, ученые подчеркивают, что конституция вправе называться современной, если она регулирует основы общественных отношений: социальной, экономической, политической систем общества, его духовной жизни, правового статуса человека и гражданина, основы прямых и обратных связей индивида – коллектива – государства – общества путем применения государственной власти, используемой для создания и распределения социальных ценностей при сотрудничестве и состязательности различных сил общества [13, с. 74]. Третейское разбирательство (арбитраж), вы-

ступая юрисдикционным механизмом распределения социальных ценностей, как раз и основано на началах сотрудничества и состязательности самого общества и неизбежно включается в систему связей индивида – коллектива – государства – общества. Именно по обозначенным причинам, на наш взгляд, арбитраж все чаще становится предметом пристального внимания Конституционного Суда РФ, а в перспективе может стать объектом конституционного регулирования (в смысле широко понимаемой конституции, разумеется). Стоит отметить, что третейское разбирательство тесно связано с иными правовыми феноменами, занимающими важное место среди объектов конституционного регулирования, главным образом – с правосудием. Такая связь неизбежно обеспечивает постепенное распространение конституционно-правового воздействия на сопряженные элементы правовой системы. Примером может послужить криминализация коррупции в арбитраже и введение в 2020 г. в УК РФ комплекса норм об уголовной ответственности за подкуп арбитров (третейских судей) (ФЗ № 352). Основанная на подобных связях, «проникающая» конституционализация арбитража оказывает прямое влияние на основные объекты конституционного регулирования, на реализацию прав и свобод человека и гражданина в юрисдикционной сфере.

Предмет конституционного права любого государства, подчеркивал О.Е. Кутафин, не может быть раз и навсегда данным, он зависит от содержания конституции и основополагающих документов, действующих в государстве на данном этапе его развития. Объем отношений, образующих предмет конституционного права, по его оценке, зависит не от выявления тех или иных особенностей таких отношений, а от воли государства, придающего этим отношениям конституционный характер [14, с. 26]. Конституционализация арбитража, таким образом, отражает волю государства применительно к включению отношений в сфере третейского разбирательства в широко понимаемый предмет конституционного регулирования и конституционного права. Соглашаясь с высказанными в доктрине выводами о естественном характере динамики предмета конституционного права, подчеркнем, что конституционализация арбитража – это не «мнимое расширение предмета по горизонтали, посредством введения новых, не обоснованных терминов», а вполне реальное расширение предмета конституционного права, которое «видится в углублении, вызванном появлением в связи с развитием научно-технического прогресса новых процедур в механизме реализации конституционно закрепленных прав и институтов; изменением политической, экономической ситуации» [15, с. 20].

На наш взгляд, ученым еще только предстоит определиться с тем, как именно будут характеризоваться отношения в сфере арбитража в качестве объекта регулирования конституционного права. В этом смысле конституционное измерение арбитража еще только предстоит раскрыть. О.Е. Кутафин указывал, что «конституционное право как бы имеет своим предметом двуединый объект регулирования, ибо в одних сферах жизни общества нормы конституционного права регулируют лишь основополагающие отношения... а в других сферах жизни общества предметом конституционного права охватывается весь комплекс общественных отношений» [14, с. 308]. В таком представлении о предмете, ставшем классическим, отношения в сфере третейского разбирательства тяготеют к первому варианту, нормы конституционного права (прежде всего

ст. 45 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее ст. 8) регулируют лишь основополагающие основания арбитража.

В актуальной повестке неизменно остаются проблемы сопряжения арбитража и государственного правосудия. Не являются единичными доктринальные выводы о том, что «третейско-судебное экономическое правосудие служит одной из форм альтернативного экономического правосудия» [16, с. 183]. В подобном понимании арбитраж, очевидно, подлежит прямому регулированию нормами гл. 7 Конституции России. Практика, однако, развивается иначе. Конституционный Суд РФ последовательно напоминает, что «третейские суды, будучи альтернативной формой защиты права и действуя в качестве институтов гражданского общества, наделены публично значимыми функциями, но не входят в российскую судебную систему и не осуществляют судебную власть» ((Пост. от 03.10.23) и др.). При этом, как указывает высший орган конституционного контроля, право на судебную защиту – полную, эффективную и своевременную – обеспечивается возможностью обратиться в предусмотренных законом случаях в государственный суд, в частности путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение ((Пост. от 03.10.23) и др.). Действуя как элементы юрисдикционного механизма (конечно, не равновеликие), правосудие и арбитраж нуждаются в координации, непротиворечивом встраивании третейского разбирательства в систему разрешения правовых конфликтов. Более того, по некоторым оценкам, развитие арбитража является отражением тенденции укрепления демократических начал правосудия. Конституция Российской Федерации задает основы подобной координации. Конституционный Суд РФ указал: «...пункт 1 статьи 11 ГК Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, закрепляя статус третейского разбирательства как альтернативной формы разрешения гражданско-правовых споров, выражают тенденцию к упрочению демократических начал правосудия и как таковые не противоречат Конституции Российской Федерации, в том числе ее статьям 8 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 3), 45 (часть 2), 46, 55 и 118» (Пост. от 26.05.2011, п. 3.3).

Еще один важный аспект – это конституционализация правовых конструкций и понятий, входящих в систему регулирования арбитража (третейского разбирательства). Так, например, Конституционный Суд РФ своими постановлениями закрепил понятие публичного порядка Российской Федерации, определил его действие как основание для отмены решений и отказа в признании и приведении в исполнение решений третейских судов и международных коммерческих арбитражей. Так, в 2017 г. Конституционный Суд РФ указал, что национальный публичный порядок формируется положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина и основам конституционного строя (см. подробнее (Пост. от 19.01.17)). В Постановлении от 3 октября 2023 г. № 46-П Конституционный Суд РФ обратился к анализу законоположений, определяющих содержание «публичного порядка», «основ правопорядка» и «основных принципов российского права», сформулировав в результате конституционно-правовое понятие публичного порядка и обозначив конституционные принципы, которые опреде-

ляют его содержание (например, принцип добросовестности). С точки зрения юридической техники весьма примечательной является форма конституционализации – через закрепление в тексте постановления Конституционного Суда РФ разъяснений, сформулированных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (Пост. от 10.12.19). В Постановлении № 18-П категория публичного порядка получила дальнейшее развитие и конституционно-правовое наполнение.

В завершение подчеркнем, что единство нормативных и институциональных актов в сфере третейского разбирательства гражданских дел, следующих образу Конституции Российской Федерации, ее духу и букве, сформировало основу для его включения в конституционное поле. Именно Основной Закон образует сегодня правовую платформу для арбитража в России, обеспечивает права и свободы граждан и организаций, вовлеченных в сферу третейского разбирательства, закладывает базу эффективного действия соответствующего социального института. Отвечая на вызовы времени, Конституционный Суд РФ последовательно отстаивает ценность третейского разбирательства как механизма претворения в жизнь норм социальной регулятивности, акцентирует внимание на его конституционных основаниях. Трансформация арбитража, на наш взгляд, является следствием конституционализации, направляется смыслами и ценностями Конституции России. Распространение эффекта действия конституционно-правовых норм на отношения, возникающие в связи с разрешением споров в третейских судах, позволяет говорить о конституционализации не только отраслевого законодательства, но также и соответствующей сферы социальной действительности. Не менее важную роль играет конституционализация правовых конструкций и понятий, входящих в систему регулирования арбитража (третейского разбирательства).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Пост. от 16.04.24 – Постановление Конституционного Суда РФ от 16 апр. 2024 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 ГПК РФ в связи с жалобой гражданина И.Ю. Колосова» // Собр. законодательства РФ (СЗ РФ). 2024. № 18. Ст. 2512.
- Пост. от 18.11.14 – Постановление Конституционного Суда РФ от 18 нояб. 2014 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, пункта 2 части 3 статьи 239 АПК РФ и пункта 3 статьи 10 Федерального закона “О некоммерческих организациях” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Сбербанк России”» (пункт 3) // СЗ РФ. 2014. № 47. Ст. 6634.
- Пост. от 26.05.11 – Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 ГК РФ, пункта 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона

“Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда РФ» (пункт 3) // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

Пост. от 03.10.23 – Постановление Конституционного Суда РФ от 03 окт. 2023 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса РФ и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона “О государственной регистрации недвижимости” в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой» // СЗ РФ. 2023. № 42. Ст. 7596.

Опр. от 13.04.00 – Определение Конституционного Суда РФ от 13 апр. 2000 г. № 45-О «Об отказе в принятии к рассмотрению обращения Независимого арбитражного (третейского) суда при Торгово-промышленной палате Ставропольского края о проверке конституционности статьи 333 ГК Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

ФЗ № 352 – Федеральный закон от 27 окт. 2020 г. № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6894.

Пост. от 10.12.19 – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 дек. 2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3. С. 3–17.

Литература

1. *Лазарев В.В.* Об интегративном понимании конституционализма // Журн. рос. права. 2023. Т. 27, № 5. С. 39–53. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.050>.
2. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 527 с.
3. *Кокотов А.Н.* О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 21–24.
4. *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 416 с.
5. *Скворцов О.Ю.* О консервативной модели арбитража // Закон. 2017. № 9. С. 60–64.
6. *Кузьмин А.Г.* Конституционализация российского правосудия (арбитражно-судебный аспект): проблемы теории и практики. М.: Городец, 2016. 367 с.
7. *Скворцов О.Ю.* Конституционный Суд: идеология практики, касающейся третейских судов (постепенное продвижение либеральных идей, основанное на консервативном противостоянии радикализму судебной практики) // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 56–68.
8. *Бондарь Н.С.* Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журн. рос. права. 2007. № 4. С. 75–85.
9. *Саликов М.С.* О сущности правовых позиций Конституционного Суда РФ // Рос. юрид. журн. 2003. № 1. С. 14–17.
10. *Крусс В.И.* Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 239 с.
11. *Насырова Т.Я.* Телеологическое (целевое) толкование советского закона: теория и практика. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 143 с.
12. *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 592 с.
13. *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 319 с.
14. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М.: Юристъ, 2001. 443 с.

15. Комарова В.В. Реальное и мнимое расширение предмета конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 11–23. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.95.10.011-023>.
16. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006. 579 с.

Поступила в редакцию 20.04.2024

Принята к публикации 25.06.2024

Курочкин Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права им. С.С. Алексеева

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

ул. Комсомольская, д. 21, г. Екатеринбург, 620066, Россия

E-mail: s.a.kurochkin@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 3, pp. 81–96

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.81-96

Constitutionalization of Arbitration

S.A. Kurochkin

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, 620066 Russia

E-mail: s.a.kurochkin@mail.ru

Received April 20, 2024; Accepted June 25, 2024

Abstract

The number of arbitration cases handled by the Constitutional Court of the Russian Federation has steadily increased over the years. The evolution of social practices and judicial approaches to arbitration procedures has prompted the supreme body for judicial protection of the Russian Constitution to repeatedly review whether the legal concepts used to resolve civil disputes by arbitration courts and international commercial arbitrations align with the nation's basic law. The outcome of this process is a set of legal principles that define the constitutional and judicial foundations of arbitration in Russia. The above trends have facilitated the use of the integrative concept of constitutionalism in arbitration. This study highlights the constitutionalization of both arbitration and its social application. From a standalone perspective, the problems of enhancing the constitutional and legal principles of arbitration were discussed, and the further progress of constitutionalism in Russian arbitration was predicted.

Keywords: arbitration, arbitration proceedings, constitutionalization, constitutional values, constitutionalism, Constitutional Court of Russia

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Lazarev V.V. On the integrative understanding of constitutionalism. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2023, vol. 27, no. 5, pp. 39–53. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.050>. (In Russian)
2. Bondar N.S. *Sudebnyi konstitutsionalizm: doktrina i praktika* [Judicial Constitutionalism: Doctrine and Practice]. Moscow, Norma, INFRA-M, 2015. 527 p. (In Russian)

3. Kokotov A.N. On the legislative aspects of the rulings issued by the Constitutional Court of the Russian Federation. *Rossiiskaya Yustitsiya*, 2014, no. 4, pp. 21–24. (In Russian)
4. Zorkin V.D. *Tsivilizatsiya prava i razvitie Rossii* [Civilization of Law and Development of Russia]. Moscow, Norma, INFRA-M, 2016. 416 p. (In Russian)
5. Skvortsov O.Yu. On the conservative model of arbitration. *Zakon*, 2017, no. 9, pp. 60–64. (In Russian)
6. Kuz'min A.G. *Konstitutsionalizatsiya rossiiskogo pravosudiya (arbitrazhno-sudebnyi aspekt): problemy teorii i praktiki* [Constitutionalization of Russian Justice (Arbitration and Judicial Settlement): Theoretical and Practical Issues]. Moscow, Gorodets, 2016. 367 p. (In Russian)
7. Skvortsov O.Yu. Constitutional Court: The legal stance on arbitration practice (gradually advocating for the liberal principles through conservative opposition against radicalism in judicial practice). *Treiskii Sud*, 2023, no. 1/2, pp. 56–68. (In Russian)
8. Bondar N.S. Norms and doctrines behind of the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation as the legal sources. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2007, no. 4, pp. 75–85. (In Russian)
9. Salikov M.S. On the essence of the legal stance of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Rossiiskii Yuridicheskii Zhurnal*, 2003, no. 1, pp. 14–17. (In Russian)
10. Kruss V.I. *Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii: monografiya* [The Constitutionalization of Law: Fundamentals of Theory: A Monograph.] Moscow, Norma, INFRA-M, 2016. 239 p. (In Russian)
11. Nasyrova T.Ya. *Teleologicheskoe (tselevoe) tolkovanie sovetskogo zakona: teoriya i praktika* [Teleological (Targeted) Interpretation of the Soviet Law: Theory and Practice]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1988. 143 p. (In Russian)
12. Zorkin V.D. *Konstitutsionnyi Sud Rossii: doktrina i praktka* [The Constitutional Court of Russia: Doctrine and Practice]. Moscow, Norma, INFRA-M, 2018. 592 p. (In Russian)
13. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. *Teoriya sovremennoi konstitutsii* [The Theory of Modern Constitution]. Moscow, Norma, 2005. 319 p. (In Russian)
14. Kutafin O.E. *Predmet konstitutsionnogo prava* [The Subject of Constitutional Law]. Moscow, Yurist", 2001. 443 p. (In Russian)
15. Komarova V.V. Real and imaginary expansion of the subject of constitutional law. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2018, no. 10, pp. 11–23. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.95.10.011-023>. (In Russian)
16. Kleandrov M.I. *Ekonomicheskoe pravosudie v Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Economic Justice in Russia: On the Past, Present, and Future]. Moscow, Wolters Kluwer, 2006. 579 p. (In Russian)

Для цитирования: Курочкин С.А. Конституционализация третейского разбирательства // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 81–96. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.81-96>.

For citation: Kurochkin S.A. Constitutionalization of arbitration. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 81–96. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.81-96>. (In Russian)